

Черничин Алексей Николаевич

"МЕТАМОРФОЗЫ" ОВИДИЯ: ПРЕВРАЩЕНИЯ В ДЕРЕВЬЯ

Статья посвящена изучению превращений в деревья в поэме Овидия "Метаморфозы". Материалом исследования послужили оригинальный текст поэмы и её переводы Фета и Шервинского. Рассмотрены различные случаи этих превращений с точки зрения занимаемого продуктом метаморфозы места в мировом порядке. Основное внимание в статье уделено изучению двух случаев превращений в неназванные деревья: превращение Гелиад и превращение вакханок. Анализ этих превращений показал, что автор поэмы не назвал деревья, не желая эмблемизировать превращаемые персонажи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/1/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (80). С. 120-124. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Участие субъектов РФ в реализации управляющего механизма на партнерских началах диктует необходимость оценки эффективности на мезоуровне, т.е. в данном случае с позиции регионов.

Аналогичная форма участия государства, наделенного только большим уровнем властных полномочий, предопределяет важность оценки эффективности управляющего механизма на макроуровне, то есть с позиции государства.

Реализация предлагаемого механизма государственного управления инновационным развитием способна решить многие задачи, о которых говорилось выше. Самое главное, что внедрение инноваций на российских предприятиях даст возможность производить более конкурентоспособную продукцию. Помимо этого, будет эффект и на макроуровне. Например, повысится экономическая безопасность государства на фоне общего социально-экономического прогресса.

Список литературы

1. **Ахтямов М. К., Гончар Е. А.** Современные проблемы развития предпринимательства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2013. Т. 7. № 3. С. 168-171.
2. **Киндюкова С. С.** Зависимость диффузии инноваций от показателей качества нового изделия // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (67). Ч. 2. С. 58-60.
3. **Мкртумян Н. В.** Выбор критерия эффективности управления интегрированным риском промышленного предприятия // Научные труды Вольного экономического общества России. 2008. Т. 103. С. 220-227.
4. **Обзор российского рынка прямых и венчурных инвестиций.** СПб.: Феникс, 2012. 100 с.
5. **Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики** [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 04.12.2013).
6. **РБК РЕЙТИНГ** [Электронный ресурс]. URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/09/06/33759307> (дата обращения: 04.12.2013).

INVESTIGATION OF OPPORTUNITIES FOR INNOVATION PROCESSES INTENSIFICATION IN DOMESTIC MATERIAL PRODUCTION SPHERE

Cherkasov Mikhail Nikolaevich, Ph. D. in Economics, Associate Professor
MATI – Russian State Technological University named after K. E. Tsiolkovsky
mixantyt@mail.ru

The main components of manufacturing enterprises innovation process are discussed in this article. Rather significant obstacles to this process intensifying are indicated. The need for state regulation and thoughtful innovation state strategy in the area of innovative technologies mastering is emphasized. When realizing the mechanism of innovative development state governance one can provide the substantial ascent of enterprises innovation activity level and create the powerful catalyst of socio-economic growth, the state competitiveness level and economic security perfection.

Key words and phrases: innovations; innovative technologies; innovation activity; area of innovations; innovative infrastructure; innovation process; state regulation.

УДК 821.124

Филологические науки

Статья посвящена изучению превращений в деревья в поэме Овидия «Метаморфозы». Материалом исследования послужили оригинальный текст поэмы и её переводы Фета и Шервинского. Рассмотрены различные случаи этих превращений с точки зрения занимаемого продуктом метаморфозы места в мировом порядке. Основное внимание в статье уделено изучению двух случаев превращений в названные деревья: превращение Гелиад и превращение вакханок. Анализ этих превращений показал, что автор поэмы не назвал деревья, не желая эмблемизировать превращаемые персонажи.

Ключевые слова и фразы: метаморфозы; превращения; деревья; продукт метаморфозы; эмблематичность; Гелиады; вакханки.

Черничин Алексей Николаевич, к.т.н., доцент
Смоленский государственный университет
alexchernich@rambler.ru

«МЕТАМОРФОЗЫ» ОВИДИЯ: ПРЕВРАЩЕНИЯ В ДЕРЕВЬЯ[©]

Превращения в деревья – частый и характерный случай в мире «Метаморфоз» Овидия, уступающий по количеству только превращениям в птиц и животных. В данной статье мы попытаемся выявить некоторые обстоятельства, на которые не обращалось должного внимания.

В [15, с. 203] отмечается, что «продукту метаморфозы может отводиться различное место в мировом порядке»:

1. возникает новый уникальный объект;
2. возникает новый вид – птицы, животного, растения, дерева и т.д.;
3. продукт метаморфозы вливается в существующий вид объектов.

При всей условности этой классификации к ней следует добавить ещё один тип превращений, а именно – превращение в объект не до конца определённый, что даёт читателю и комментаторам «Метаморфоз» большое пространство для фантазии. Именно этому роду превращений уделено основное внимание в нашей статье. При этом мы будем обращаться к переводу Шервинского [9], ставшему уже каноническим, и к переводу Фета [11], внимание к которому стало проявляться в последнее время [13].

Как правило, ответы на вопросы: *где?, кем?, за что?, почему?, в какое дерево произошло превращение?, к какому из указанных выше случаев оно относится?* не представляют затруднений. В [21, р. 205] отмечается, что если превращение произошло в новый экземпляр имеющегося вида, последний «начинает функционировать эмблематически». Если же в результате метаморфозы возникает новый вид, то каждый его экземпляр тем более выступает в этом качестве. Несколько ранее на эту эмблематичность указал Шиллер в часто цитируемом произведении «Боги Греции» [Цит. по: 15, с. 195].

Перечислим превращения, в результате которых появился новый вид дерева.

Дочь Пеней Дафна, спасаясь от преследующего её Аполлона, превращена своим отцом в лавр (I. 549-560) (здесь и далее ссылки на «Метаморфозы» приводятся без указания названия произведения). Любимец Аполлона прекрасный мальчик Кипарис (Cyparisse) превращён в кипарис (*cupressus*) (X. 137-142). Дочь ассирийского царя Кинира Мирра (Myrrha) за свою противоестественную любовь к отцу превращена в одноимённое дерево (*myrrhaeque*) (X. 500-502).

Превращение Кипариса, как можно понять у Овидия, и как утверждает Ю. К. Щеглов [Там же, с. 204], привело к появлению нового вида, представляющего собой дерево скорби, хотя раньше история Актеона разворачивается в долине, густо поросшей кипарисом (*densa cupressu*) (III. 155). Подобно кипарису, мирровое дерево также дважды упоминается поэтом ранее (IV. 393; V. 53).

И хотя в начале поэмы декларируется её хронологический порядок, нарратор иногда излагает события, происходящие до времени (а бывает и после) рассказа, приводя такие «уточняющие» подробности как «встарь» [11, с. 481], «говорят» [9, с. 99] или, ссылаясь на «авторитетные источники»: «...когда б не свидетельство древних» [11, с. 29].

Апулийский пастух, напугавший нимф, за своё непристойное поведение превращён в неизвестное ранее дерево – дикую маслину (*oleaster*), своим горьким соком напоминавшее его грубую речь (XIV. 523-526).

Перечислим превращения в экземпляр существующего вида дерева.

Фелемон и Бавкида получают от Юпитера по существу памятник на «фригийских холмах», ставший символом праведной жизни и местом поклонения (VIII. 716-722) в виде ранее известных дуба (*quercus*) – дерево Юпитера – и липы (*tiliae*); это превращение имеет черты уникальности, позволяющие отнести его и к первому пункту классификации.

Дриопа, а раньше её нимфа Лотида (IX. 340-346), превращены в известное ранее дерево – лотос; прекрасный фригийский юноша Аттис превращён отвергнутой им богиней Кибелой в сосну (X. 104).

Далее рассмотрим два превращения, общими обстоятельствами в которых является то, во-первых, что названия деревьев не приводятся, и, во-вторых, что происходит превращение группы людей в группу деревьев (рощу).

Первое из них – превращение сестёр Фаэтона, оплакивающих погибшего брата, похороненного Гесперидами на берегу Эридана.

По поводу того, где находится Эридан, мнения античных авторов и их комментаторов расходятся, на что метко указывает Бёмер: «Эридан всюду там..., куда местное сказание переносит падение Фаэтона» [22, S. 323]. Кратко и точно высказывается по этому поводу в своём комментарии Фет [11, с. 72]: «Греческие поэты считали Эридан рекою на крайнем западе Европы, впадающей в море на севере и богатой янтарём».

Менее удачен комментарий к этой строке в переводе Шервинского [9, с. 393]: «Эридан – мифическая река на западе (*относительно чего? Греции, может быть? – А. Ч.*), часто отождествлявшаяся (*кем? – А. Ч.*) с Падом».

Отождествление Эридана с Падом, т.е. с По, противоречит мнению Овидия, потому что в обширном каталоге рек, высохших в результате полёта Фаэтона, упомянут и Пад вместе с другими «гесперийскими» реками Реном (Рейном) и Роданом (Роной). Входит в каталог и река Таг (Тахо), протекающая в современной Испании и впадающая в Атлантический океан. Судя по этому каталогу, полёт Фаэтона был прерван намного западнее По, и он не мог упасть в эту (уже сухую!) реку, которая не смогла бы «обмыть его лицо».

Мнение Овидия на этот счёт совпадает с мнением Еврипида, творчество которого он высоко ценил, высказанном в «Ипполите». Там упоминается, что Геспериды живут на берегах Эридана, расположенного там, где стоит Атлант, т.е. на крайнем Западе [1, с. 728].

Заметим, что Эридан отождествляется с По чаще не античными авторами, а их комментаторами. Характерным примером является комментарий к процитированным строкам Еврипида, в котором утверждается, что Эридан отождествляется с Роной и По [Там же, с. 874], тогда как Еврипид повода к таким утверждениям не даёт.

Выясним теперь, в какие деревья могли превратиться сёстры Фаэтона.

При всей приверженности Овидия к конкретным обстоятельствам и реквизиту, он не называет в поэме род деревьев.

Превращение сестёр Фаэтона Ю. К. Щеглов относит к случаю, когда появляется «новый экземпляр уже наличного вида» [15, с. 204], с чем нельзя согласиться, поскольку дерево не названо.

В примечаниях к переводам [9, с. 394] и [11, с. 73] при первом упоминании на этот счёт никакое мнение не высказывается, в примечании же [8, с. 45] сказано безапелляционно: «Сёстры Фаэтона превратились в тополя» (Овидий этого не утверждает).

В истории превращения Кикна (II. 373) говорится, что он / Плачем своим оглашал и от сестёр погустевшие рощи [11, с. 75], т.е. род деревьев не называется.

Гелиады упоминаются ещё раз в мифе об Орфее (X. 91). Как только Орфей сел на пригорок и заиграл, явились деревья, которые Овидий, верный себе, подробно перечисляет, включив в каталог 27 (!) деревьев, среди которых и «роща сестёр – Гелиад» [Там же, с. 479], но нет тополя.

В примечаниях к этой строке никаких уточнений не высказывается, а в примечаниях [9, с. 411] читаем: «Роща сестёр Гелиад – тополя».

В переводе «Метаморфоз» Симпсона, который в целом близко придерживается текста оригинала: *...a grove of poplars, the Heliades...* [23, р. 167] – опять тополя там, где в оригинале они не упоминаются, и ситуация их упоминания не требует.

В мифе о Пигмалионе упоминаются слёзы Гелиад “*Heliadum lacrimas*” (X. 263), а в примечаниях к этой строке в двух переводах читаем: «Слёзы Гелиад, сестёр Фаэтона, превращённых в тополя, суть янтарь, высоко ценившийся у древних» [11, с. 491], и «Гелиады – обращённые в тополя сёстры Фаэтона, слёзы которых превращались в янтарь» [9, с. 411].

Таким образом, хотя Овидий не называл род деревьев, в которые превратились сёстры Фаэтона, в комментариях к обоим переводам упоминаются тополя, а комментатор перевода Шервинского делает это дважды, хотя, казалось бы, ни автору комментариев, ни переводчику не следует поправлять автора.

Отметим, что в «Метаморфозах» тополя упоминаются трижды, но без всякой связи с историей Фаэтона:

1) *Populifer Spermios et irrequietus* (I. 579) / Сперхий среди тополей [11, с. 39] (хронологически раньше истории с Фаэтоном);

2) *...dabant nutritaque populus unda* (V. 590) / Серая ива и тополь, вспоенный водою [Там же, с. 247];

3) *...blanditur populus umbra* (X. 555) / предлагает нам ласково тополь [Там же, с. 509].

Неоднократные упоминания в поэме как тополей, так и деревьев, в которые превратились Гелиады, не позволяют отождествить эти деревья.

Плиний (N. H. 37. 31), обсуждая миф о Фаэтоне, пишет, что Эсхил, Филоксен, Еврипид, Никандр высказывают мнение, что Гелиады превратились в тополя, а их слёзы – в янтарь [18], причём первым, кто высказал это мнение, был Эсхил в его трагедии «Гелиады», до нас не дошедшей [16, р. 27]. Этого мнения придерживается и Диодор Сицилийский [17]: Сестры его оплакивали смерть Фаэтона так горестно, что из-за чрезмерной скорби даже изменили свою природу, превратившись в тополя (В. Н. V. 23, пер. Цыбенко).

В трагедии Еврипида «Фаэтон», дошедшей до нас во фрагментах, не упоминается о превращении Гелиад в тополя, однако автор перевода-реконструкции пишет: ...поэтому тебе всех семерых даю я, пусть над твоей гробницей тополями раскинутся и непрестанно слёзы льют, затвердевающие жёлтым янтарём [20]. В предисловии [Ibidem]: «Для описания полёта Фаэтона в колеснице я заимствовал некоторые элементы из “Метаморфоз” Овидия (Met. II. 1-328), который был, несомненно, хорошо знаком с шедевром Еврипида».

Вергилий, обращаясь к мифу о Фаэтоне (Ecl. VI. 62-63), пишет, что его сёстры превратились в ольху (*alnos*) с замшелой и горькой корой [15, с. 62]. В «Энеиде» (Aen. X. 190) Кикн пел под сенью сестёр, в тени тополей густолистных (пер. Ошерова, прим. Старостиной), а в примечании к этой строке читаем: «...сестёр Фаэтона, превращённых в пирамидальные тополя».

Столь обширная литература, Овидию, безусловно, знакомая, полностью исключает версию, что автору «Метаморфоз» был неизвестен самый популярный вариант мифа, в котором Гелиады превращаются в тополя.

Превращение Гелиад в тополя было настолько общепризнанным, что спустя 17 веков Ломоносов так переводит Марциала [5, с. 87]:

В тополевой тени гуляя, муравей

В прилипчивой смоле увяз ногой своей.

Хотя он у людей был в жизнь свою презренный,

По смерти в янтаре у них стал драгоценный.

Первая строка исходного текста (Martialis, Epigrammaton, VI, XV): *Dum Phaethontea formica vagatur in umbra...* / В то время как муравей бродил в тени дерева Фаэтона... не требует называть именно тополь. Муравей мог погулять и в тени сосны, но учёный, очевидно, отдавая дань традиции, называет дерево именно так.

В своих научных работах Ломоносов указывает на происхождение янтаря из смолы хвойных деревьев, он даже в ироничной форме полемизирует со сторонниками других взглядов, призывая в свидетели ископаемых насекомых, сохранившихся в янтаре [6, с. 87], т.е. мнение Ломоносова-учёного не совпадает с мнением Ломоносова-поэта.

Комментаторы нового времени иногда вводят в миф другие породы деревьев. Приведём несколько примеров.

«Стоят тополя-гелиады, склонившись над Эриданом, и падают их слёзы-смола в студёную воду. Смола застывает и превращается в прозрачный янтарь» [4, с. 76]. Кун, интуитивно и справедливо считая, что сок тополей не может застыть в воде (он просто растворится), дважды называет его смолой, совмещая, таким образом, два несовместимых понятия.

«...И тут же уста их (Гелиад) закрываются корой. Они стали лиственницами» [14, с. 22]. В интерпретации этого мифа Штоль ссылается на «Метаморфозы» Овидия, который деревья никак не называл.

В энциклопедии античной мифологии упоминается ещё один вид деревьев [19]: «Горестный плач, в конце концов, надоел Зевсу, и он превратил сестер Фазтона в плакучие ивы и тополя».

В отношении деревьев можно заметить в духе Бёмера (см. выше), что каждый автор и его комментатор называют их, как им нравится; но мы рассматриваем интерпретацию мифа только Овидием и только в «Метаморфозах».

Подведем итоги наших наблюдений, которые сводятся к тому, что уже четыре дерева: тополь, ольха, лиственница и ива, по мнению различных авторов, претендуют на то, что в них превратились Гелиады, но безусловное лидерство в этом «конкурсе» принадлежит тополю.

В мире мифов это дерево играет существенную роль: «Тополь, ввиду ли серебристости своих листьев и коры или ввиду горечи своей коры, понимался в Греции как символ мрака, горя и слез. Роща Персефоны в Аиде состояла из тополей. Листьями тополя иной раз украшали покойника. Свою возлюбленную Дриопу Аполлон тоже превратил в тополь, а по Овидию – в лотос (IX. 340)» [7, с. 49]. К этому можно добавить, что тополь был священным деревом Геракла, который сплёл себе венок из веток тополей, растущих в Аиде [2, с. 385].

Подобная мифологическая нагрузка тополя не позволила Овидию назвать эти деревья в контексте поэмы, он не хотел «эмблемизировать» тополь, т.е. связывать его только с Гелиадами, считая, кроме того, что это дерево источать янтарь не может.

Однако в своих более поздних произведениях поэт называет деревья тополями, но не упоминает при этом о янтаре: Лёгок и ваш, Гелиады, удел: вы оплакали брата, / Но молодою корой тополь (*populus*) печаль залечил (Ex Ponto. I. II. 31-32, пер. А. Парина). И ещё: Сына Мероп не видал бы в огне, дочерей – тополями, / Если б отца Фазтон в нём не гнушался признать (Tristia. III, IV. 29-30, пер. Н. Вольпин).

Второе из превращений в неназванные деревья – превращение фракийских вакханок, растерзавших Орфея, – можно отнести к этой категории условно. Дело в том, что в переводе Шервинского дерево, в которое превратились эдонийские женщины, трижды (!) названо дубом (XI. 82-83): *Robora percussit. Pectus quoque robora fiunt / Robora sunt humeri porrectaque brachia veros.* – Дубу наносит удар, – становятся дубом и груди, / Дубом и плечи... [9, с. 269], т.е. *robora* переведено как «дуб». В переводе же Фета дерево не названо, и *robora* трижды переведено как ствол: По стволу она бьёт. Да в ствол то и грудь превратилась: / Плечи стали стволом... [11, с. 529].

Для обозначения понятия «дуб» Овидий пользуется, по меньшей мере, двумя лексемами: *quercus* (родовое название дуба) и *robur* (название самого распространённого вида дуба) и их производными, комбинациями и вариациями в подходящем контексте и с определёнными нюансами; кроме того, он использует, но гораздо реже, ещё одно слово этого синонимического ряда – *aesculus* – название ещё одного вида дуба. Богатство синонимического ряда и многократное упоминание в поэме дуба, которое не идёт в сравнение с упоминаниями других деревьев, можно объяснить его чрезвычайной популярностью в античном обществе и литературе. Дуб был очень почитаемым деревом в Древней Греции и посвящён Зевсу, оракул при храме Зевса в Доне располагался на священном дубе, в Древнем Риме дуб был деревом Юпитера (*Jovis quercus* или *Jovis arbor*). Это дерево имело и большое практическое значение. Люди золотого века, по Овидию, питались желудями, что «...с деревьев Юпитера пали» [9, с. 34].

Теофраст, с работами которого Овидий был без сомнения знаком, описывает 9 видов дуба [12, с. 324], растущих в районе Иды (Троада) и в Македонии [Там же, с. 401]. Современная ботаника насчитывает около 600 видов дуба, самый распространённый в обеих местностях вид: дуб обыкновенный (черешчатый) – *Quercus robur* L. (синонимы: *Quercus pedunculata Ehrh.*, *Quercus aesculus Boiss*). Комментатор Теофраста отмечает, что основой для классификации дуба «служили следующие признаки: 1) съедобные качества желудей; 2) общий характер дерева: форма ствола и качества древесины; 3) различные образования на дубе вроде галлов (чернильных орешков) и т.п.» [Там же, с. 397].

Главное значение лексемы *quercus* (существительное женского рода) – дуб [3, с. 844], в этом значении лексема и её производные часто используются Овидием, приведём несколько характерных примеров: *mediatque tuebere quercum* (I. 563) – тот дуб, что внутри, охраняя [9, с. 45], *dum retro quercus eunt...* (I. 91) отход отступавшему дубом [Там же с. 33]; *...Iovi quercus...* (VII. 623); *Deoia quercus...* (VIII. 760).

Однако в эпизоде превращения вакханок поэт использует лексему *robur* (существительное среднего рода), обладающую обширной семантикой, основу которой составляют значения, определяющие крепость, прочность, твёрдость и т.п. и связанные с дубом как материалом и изделиями из дуба. В словарной статье [3, с. 884] приводятся такие лексико-семантические варианты как: Троянский конь в «Энеиде», древко копья, дубовый плуг, твёрдая древесная порода (дикая малина и пр.) и т.п. Словарная статья включает также значения «дуб» и «ствол», которые представляют особый интерес для нашего исследования. Овидий часто

использует лексемы *quercus* и *robur* по отдельности и вместе, например, *robore quercus* (VIII. 745), в различном порядке, как бы называя род и вид дерева почти в современной терминологии. Указывая конкретный экземпляр дерева, он употребляет эти лексемы как синонимы, даже в соседних строках, например: *quercus* (III. 91), *robore* (III. 92), *robora* (III. 94). Переводя этот пассаж, Шервинский трижды употребляет лексему «дуб», что не очень поэтично, Фет же использует «дуб» один раз.

Шервинский в следующих случаях применяет лексему «дубрава», Фет же буквально относится к переводу: (III. 35) – *lucum* (Фет – роща); (III. 175) – *nemus* (Фет – лес); (IV. 600) – *nemus* (Фет – лес). Хотя семантика лексемы «дубрава» в русском языке не обязательно связана именно с дубовой рощей, это слово используется и для названия свежей молодой рощи. Иногда Овидий использует видовое название *robur* для обозначения рода «дуб» (см. примеры выше) или *aesculus* (X. 91), примерно так же как мы иногда говорим «антоновка» (название сорта, аналогичное в нашем контексте названию вида) вместо «яблоня сорта антоновка».

Сказанное в отношении использования этих лексем в «Метаморфозах» полностью относится к их использованию Вергилием в «Энеиде». Приведём несколько примеров (пер. Ошерова): родовое и видовое название вместе – *robore quercum* – дуб узловатый (Aen. IV. 441) и видовое вместо родового: *robore* – узловатый дубок (Aen. XI. 553), *robore* – дубовых стволов (Aen. VIII. 315).

Так в какие же деревья превратились фракиянки? Поскольку Овидием не могла ставиться задача эμβлемизировать вакханок, представляется, что перевод Фета лучше соответствует духу оригинала, потому что превращать вакханок, в ослеплении экстаза растерзавших божественного певца, в дуб было бы кощунственно.

Список литературы

1. Античная драма. М.: Эксмо, 2005. 879 с.
2. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. 624 с.
3. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
4. Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Гелиос, 2007. 560 с.
5. Ломоносов М. В. Избранные произведения. М. – Л.: Сов. писатель, 1986. 560 с.
6. Ломоносов М. В. О слоях земных и другие работы по геологии. М.: Госгеолгиздат, 1949. 211 с.
7. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.
8. Метаморфозы Овидия. СПб.: Вита Нова, 2003. 512 с.
9. Публий Овидий Назон. Метаморфозы / пер. с лат. С. В. Шервинского. М.: Художественная литература, 1977. 430 с.
10. Публий Овидий Назон. Метаморфозы: XV книга превращений / пер. с лат. А. А. Фета. М.: Белый город, 2008. 445 с.
11. Публия Овидия Назона XV книга превращений / в переводе и с объяснениями А. Фета. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1887. 793 с.
12. Феофраст. Исследование о растениях. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 589 с.
13. Черничин А. Н. Овидий, «Метаморфозы»: Перевод А. А. Фета // Актуальные проблемы германистики и романистики: сб. статей по материалам международной научной конференции. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. Ч. II. Язык в тексте. С. 201–207.
14. Штоль Г. В. Мифы классической древности: в 2-х т. / пер. с нем. В. И. Покровский, П. А. Медведев. М.: Высш. шк., 1993. Т. 1. 272 с.
15. Щеглов Ю. К. Опыт о «Метаморфозах». СПб.: Гиперион, 2002. 280 с.
16. Euripides. Phaethon / ed. by J. Diggle // Cambridge Classical Texts and Commentaries. Cambridge University Press, 2004. Vol. 12. 250 p.
17. <http://ancientrome.ru/antlittr/diodoros/diod05-f.htm> (дата обращения: 19.11.2013).
18. http://annales.info/ant_lit/plinius/37.htm#_rgi9 (дата обращения: 05.11.2013).
19. <http://greekroman.ru/hero/phaeton.htm> (дата обращения: 07.11.2013).
20. <http://lib.rus.ec/b/224005> (дата обращения: 08.11.2013).
21. Myers K. S. Ovid's Causes. Cosmogony and Aetiology in the "Metamorphoses". Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994.
22. Ovidius Naso. Metamorphosen: Buch I-III / Komm. F. Bömer. Heidelberg, 1969. 404 S.
23. The Metamorphoses of Ovid / translated with an introduction and commentary by Michael Simpson. University of Massachusetts Press, 2001.

OID'S "METAMORPHOSES": TRANSFORMATIONS INTO TREES

Chernichin Aleksei Nikolaevich, Ph. D. in Technical Sciences, Associate Professor
Smolensk State University
alexchernich@rambler.ru

Transformations into trees in Ovid's poem "Metamorphoses" are examined in this article. The original text of the poem, Fet's and Shervinskii's translations were the research material. Various cases of these transformations in terms of the place taken by metamorphosis product in the world order are considered. Main attention is paid to the study of two transformations cases into unnamed trees: the Heliades' and the Bacchantes' transformations. The analysis of these transformations showed that the author of the poem didn't want to emblemize the transformed characters, that is why he didn't name the trees.

Key words and phrases: metamorphoses; transformations; trees; metamorphosis product; emblematic character; Heliades; Bacchantes.